

Известнейшим нашим актером, народным артистам СССР Юлии Константиновне Борисовой и Иннокентию Михайловичу Смоктуновскому на днях исполнилось 50 лет.

50 ЛЕТ ведущей артистке московского театра им. Е. Вахтангова Юлии Борисовой? Воистину — «все врут календари». И не только потому, что Борисова очень естественна и органична в ролях, где ее героини находятся на рубеже двадцатилетия. Дело не в возрасте. Юбилей Борисовой — не подведение итогов, ибо актрисой сказано еще далеко не все.

Человека, ранее не видевшего Борисову на сцене, первое появление актрисы ошеломляет. Резкие, подчеркнутые манеры, столь же нарочитый, странно-непривычный голос. Кажется, с трудом Борисова подавляет свой артистический темперамент, чтобы не выбиться из колеи режиссерского замысла. Но проходит несколько минут, и игра Юлии Борисовой, ее жизнь в том или ином образе начинает казаться «нормальной», и единственно возможной. Ведь, кроме личности, актрисы, дело еще и в том, какие роли она играет, насколько она необходима для них и они для нее.

Да, Борисова эксцентрична, да, большинство своих ролей она окрашивает изрядной долей иронии. И все же рано или поздно наступает такой момент, когда становится ясно: оригинальность ее героинь — не формальный изыск, не театральный прием. Героини Борисовой могут позволить себе много больше, чем другие, потому что они более, чем другие, личности, женщины нравственные: не в пресно-дидактическом смысле, а в естественной и сильной своей красоте. В этой оригинальности, широте натур героинь, в остром рисунке роли, Борисова как бы от противного доказывает особенно важную для нее мысль. Неважно, какова у тебя степень утонченности, насколько ты следуешь общепринятым условиям — «по Борисовой», так уж лучше не следовать им вовсе, ибо они сковывают безграничные способности человека, мешают выявить в нем все чистое, честное, действительно нравственное.

Героини Борисовой и мужественны, и капризны, и неунымаемы, и легко ранимы. Они могут

быть царственно-невозмутимыми, но это ответ лишь на фальшь и распорядок мира, а для другого у них есть трепетное сердце, не знающее препятствий.

И потому Валька из «Иркутской истории» — «девушка» лишь для «дешевых» отношений — так трепетна и трогательна, когда речь заходит о возможности ее семейного счастья. В импровизационной, насквозь пародийной стихии «Принцессы Турандот» Борисова в заглавной роли смешна в борьбе за свою

эпиграф из «Гамлета»: «Ты повернул глаза зречками в душу...» Смоктуновский воевал на Великой Отечественной, дойдя до Берлина. Актерский путь его начинался далеко не безоблачно. Годы поисков в провинциальных театрах, работа «на разовых» в Москве. Смоктуновского заметили, когда он сыграл Фарбера в фильме «Солдаты». А после Мышкина в «Идиоте» у Георгия Товстоногова кривая успеха артиста резко пошла вверх.

Смоктуновский одним из пер-

ДВА МАСТЕРА, ДВА ТЕАТРА

независимость против умного и покорившего ее сердце принца. Но эта борьба в границах бесмертной вахтанговской постановки — водевильное, фарсовое переосмысление той же главной темы актрисы. Взбалмошна, избалована юная Лесикова из «Ситуации 3. Розова, жена главного персонажа пьесы. Ни практической жилки, ни желания понравиться свекрови. Лесикова способна даже уйти от мужа, правда на время.

Что и говорить, какой повод для «отрицательной» роли! А Борисова решительно встает на защиту героини, убедительно доказывая, что основным ее движущим мотивом является любовь к мужу и что поэтому она имеет право на большее с его стороны внимание к себе.

А Гелена в «Варшавской мелодии», а Настасья Филипповна в «Идиоте», а главные роли в «Антонии» и Клеопатре», «Миллионерше»? Всего не перечесать...

ЕСЛИ ОБРАЗЫ Борисовой — неоспоримый аргумент в пользу театра яркого, острого с шумной реакцией зала, то творчество Иннокентия Смоктуновского чуть ли не противоположность ему. Оно — исповедальное, душевно-интимного плана, тонкой до незаметности техники игры и простора глубоких мыслей и ассоциаций, вызываемых ею. Одной из многочисленных статей о нем предпослан

вых воплотил на сцене то, что принято называть «современной манерой игры», игры неброской, неэффектной, сосредоточенной, размышляющей. Сквозь все преграды актеру видна одна цель — душа человеческая, ее глубины, ее соответствие устремлениям времени, ее стремление «объять необъятное».

Результат и, главное, сам процесс познания самого себя доносит Смоктуновский до зрителя. Это театр предельно глубокого общения. И никаких актерских приспособлений, они попросту неуместны и излишни, когда кровотоцит душа, когда бьется мысль, когда идет поиск истины и ищется смысл твоего существования. Светел и пронизателен взгляд Гамлета в фильме Г. Козинцева, ум, который в трагически-неравном бою с миром Эльсинора несравненно могущественней его, ибо он человек.

Жаждой справедливости полон у Смоктуновского Деточкин из «Берегись автомобиля». Но, увы, в «частном» порядке делавшее добро — тайный удел одного Деточкина. Делать такое добро можно лишь полуобманными путями. Деточкин сам по себе хорош, но объективно он — «плохой, добрый, злой». И все-таки он добрый прежде всего, и симпатии актера и зрителей целиком на стороне Деточкина.

Пожалуй, большинство



ев Смоктуновского — немного «не от мира сего». Они самоуглублены до странных черточек. В своей доверчивости к окружающему они неожиданно оставались на полпути. У них взвешивающие, мягкие жесты, они интеллигентны.

Тема доброго, интеллигентного человека в скреплении с идеей времени, с трудностями этого скрепления — одна из основных тем артиста. В таком поиске нет начала, он бесконечен. Смоктуновский окрашивает его высокой требовательностью ко всему, с чем он соприкасается. Его роль царя Федора Иоановича, единственно среди которой он был приглашен в Малый театр и над которой работал два года, стала запоминающимся событием театральной жизни страны. А вот как поразительно пишет о спектакле, о роли он сам: «Не получилось у нас так, как того требует время, сегодняшний, выросший и высокообразованный зритель»...

Так всегда внезапно, всегда в достижении оптимальных результатов, в преодолении любого рода инерционности Смоктуновский. Это относится и к участию его в недавних фильмах «Исполнение желаний», «Романс о влюбленных» и к работе совсем новой — «Дочки—матери»...

К. КОНСТАНТИНОВ.